

СРАЗУ же за кошарой начиналась степь. Она лежит еще бурая, не набравшая силу, с первыми робкими кустиками пробивающейся травы. Но для Жукова Камарова она была красивой. Пришурившись, как бы что-то приглядывая в уме, он внимательно вглядывался в эту бескрайнюю равнину. На ней он вырос, она его кормила, с нею он связал свою жизнь. Ее он знал и любил.

— Поменялись мы перед войной, а через несколько месяцев мужа забрали на фронт.

затем взял гурт коров. Я дояркой начала работать. Двенадцать лет ею была. До сих пор память осталась об этом времени. С фермы я и на пенсию ушла. А Жуков взял себе стару. Так и остался с тех пор при овцах.

В принципе чабаном может стать каждый. Научился седлать коня, кое-какие тонкости чабанского дела усвоил и паси овец. Примерно так порою рассуждают об этой профессии. На деле же все гораздо сложнее. Целая наука — паст

Нелегко чабанский труд. И все же Жуков любит его. И детей ставается к нему приобщить. А их у него восемь, Старший сын, Даудетбек, вместе с отцом чабанит. Дочь Вагила, тоже с отарой. Летом — помощником чабана, зимой — сани машинист. Другая дочь замуж и чабана вышла. И вместе с ним ухаживает за овцами. Получается двенадцать чабанов. И уже сейчас можно сказать, что дети не позрамят старого Жукова. Трудолюбивыми он вырастил их, настоящими животноводами.

Гвардейцы пятилетки ГЛАВА ДИНАСТИИ

овец. И ею Жуков Камаров владеет в совершенстве. Педалью он один из лучших чабанов Экибастульского совхоза. На днях второй орден получил. Был награжден «Знаком Почета», а теперь и орден Трудового Красного Знамени прибавился.

Долго и выштыкивал у него секреты успеха. Вроде и другим чабанам не откажешь в опыте, а у Камарова пока затели все же лучше. По 120 ягнят от каждой сотни овцематок получил. А ведь годами прошлая и ма ие была богата. Счита

тает, что можно и больше брать, по 135—140. И хочет этого добиться.

— Когда взяли мы отару, — вспоминает Кымбал, — получили всего по 101 ягненку. Через год уже по 105.

— Ну а за счет чего возрастает приплод?

— Много причин, — ответил Жуков. — Корм должен быть в избытке, кошары теплыми, ну и уход за овцами.

— Но ведь и другие чабаны стараются не подкачать?

— А это кто как, — вступила в разговор жена. — Вечером чабан выкормит кошару и до утра в нее не заглядывает. Жуков же и ночью поднимется, сходит, проверит, все ли в порядке. А когда окот, я и дочь становимся санмащинками. И остальные дети чем могут помогают.

Да, когда окот — семья Камаровых в хлопотах. Выяют такие дни, когда Жуков и Кымбал по очереди несут в кошаре бесполое дежурство по ночам.

...Есть в одном из хозяйств нашей области чабан. Слышет в числе переловиков. Так он приспособился пастись овец сидя в собственном легковом автомобиле. Благодарит. Ни солнце, ни ветер, ни дождь не страшны. Включил музыку и дремлет себе потихоньку. Разбрелись овцы, обехал отару, собрал их в кучу и опять можешь отдыхать. Заметив во дворе у Камарова «Запорожец», а на привязи лошадь, я и сказал Жукову о «методе» авточабана. Жуков промолчал, лишь только усмехнулся. Зато один из его гостей, зоотехник, убежденно ответил:

— Это не чабан!

— Почему, — удивился я. — Ведь машина — это комфорт, да и удобно работать.

— Нет, он не чабан, — твердо повторил собеседник. — Не любит и не понимает животных. Он не даст овцам спокойной пастись, а только пугает своим автомобилем.

Каких-то особых чабанских секретов у Жукова Камарова и так их не выскал. То, что он делает, известно всем чабанам. Различает их, пожалуй, лишь отношение к делу. В чем-то Жуков чуточку беспокойнее их в работе, где-то на немного больше осознает ответственность, где-то проявит о животных больше заботы. И если к этому чуть-чуть прибавить солидный опыт, то и получится, что отара у Камарова самая лучшая.

О себе он говорит скупо. И не потому, что нечего рассказывать. Нет, его жизнь, несмотря на кажущуюся обыденность, яркая и многогранная. Есть в ней свои успехи и неудачи. Но об одном Жуков может сказать прямо, не боясь, что сфальсифицируют, — он прожил настоящую жизнь и как труженик, и как отец.

С. ГОРВУНОВ.
Рис. П. Шорохова.

Кымбал внимательно рассмотрел на мужа. Тот утвердительно кивнул. Не знаю, то ли характер такой у Жукова, то ли чабанство приучило его к молчанию, но о нем не скажешь, что разговорчивый. Сидит, не свесив дымя «Примой», лишь изредка вставит слово или кивнет, предоставляя возможность жене рассказывать о их чабанской жизни.

— Так вот, — продолжает Кымбал, — призывали Жукова. И осталась я с его отном. Тяжело было. В совхозе одни старики и женщины. Я помню, как землю пахали. Лошадей не было, так мы на водах. А где и сами впрягались. А какие с нас пахари? Выдавали по 150 граммов муки. Тяжелое время. Раз, помню, в поле нужно выкопать, а мне обуть нечего. Так отец Жукова шил мне на воловьей шкуре сабоги, в них и пахала. В те годы я и ноги наступила, болят сейчас.

Она замолчала, как бы вспоминая пережитое.

— Потом Жуков с фронта пришел. Стад бригадиром кошарей. А